

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080023386-1

МОНГОЛИЯ В НАУЧНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ (1840–1910-е гг.)

© 2022

А.Е. ЗАГРЕБИН ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9381-9581; zagreb72@izh.com

Scopus Author ID: 57189841705; ID WoS: AAU-9451-2020

Резюме: Монголия как одно из географических и смысловых средоточий Центральной Азии на несколько исследовательских поколений привлекла к себе пристальное внимание востоковедов разных стран. Особое отношение к «монгольским» экспедициям и научным публикациям придавало растущее в 1840-е – 1910-е гг. военно-политическое напряжение в стратегически важном регионе, где сошлись интересы европейских держав, Японии и Китая. Полевые исследования, общение ученых с вождями и религиозными лидерами, проходили на фоне этнополитической консолидации монгольских племен. Свое значение Монголия, монгольский язык и этнография приобрели в научном дискурсе финно-угроведения. На протяжении нескольких десятилетий, финские и венгерские учёные пытались подтвердить или опровергнуть языковую и этногенетическую близость финно-угорских народов к центральноазиатским культурам прошлого. М.А. Кастрен и А. Чома де Кёрёша проложили научные дороги на Восток, по которым затем прошли экспедиции И.Р. Аспелина, А.О. Хейкеля, К.Г. Маннергейма, Г.И. Рамstedта и И.Г. Гранё. Ведущую роль в организации экспедиционных работ на юге Сибири, на Алтае и в Монголии сыграло созданное в 1883 г. Финно-Угорское Общество и лично его многолетний председатель – профессор О. Доннер. Изучая памятники устного народного творчества, письменного и монументального наследия Монголии финно-угроведы прямо или косвенно касались вопросов этнической идентификации и самопрезентации финно-угорских народов. В этом случае научный диалог мог соединяться с обсуждением проблем внутренней политики, национализма и международных отношений.

Ключевые слова: Монголия, финно-угроведение, наука, политика, историография.

Для цитирования: Загребин А.Е. Монголия в научном и политическом дискурсе финно-угроведения (1840–1910-е гг.). *Восток (Oriens)*. 2022. № 6. С. 243–253. DOI: 10.31857/S086919080023386-1

MONGOLIA IN FINNO-UGRIC ACADEMIC AND POLITICAL DISCOURSE
(1840s–1910s)

© 2022

Aleksei E. ZAGREBIN ^а^а – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9381-9581; zagreb72@izh.com

Scopus Author ID: 57189841705; ID WoS: AAU-9451-2020

Abstract: *Mongolia, as one of the geographical and semantic centerpieces of Central Asia, has remained in focus of Finno-Ugric, Altaic and Turkic studies for several generations. Expeditions and academic publications in the 1840s–1910s were given special attention due to growing political tension in a strategically important region, where the interests of the “Great Powers”, Japan and China, converged. The search for Oriental rarities and negotiations with the leaders and religious figures of Mongolia, Tibet and Xinjiang took place against the backdrop of tense social situation in a multiethnic and multiconfessional land. Mongolia, the Mongolian language and ethnoculture have gained prominence in the scholarly discourse of Finno-Ugric studies. By looking into Mongolian materials, Finnish and Hungarian researchers have tried either to confirm or to disprove the linguistic and ethnogenetic closeness of their own ethnicities to the Central Asian cultures of the past. M.A. Castrén and A. Csoma de Kőrös had paved the first roads of research to the East, after which the expeditions of J.R. Aspelin, H. Vámbéry, A.O. Heikel, K.G. Mannerheim, G.J. Ramstedt and J.G. Granö followed. A leading role in the organization of field research in Southern Siberia, Altai and Mongolia was played by the Finnish-Ugric Society, established in 1883, and its longstanding Chairman, Professor O. Donner. Studying the oral poetry, literary and monumental heritage of Mongolia, scholars have directly or indirectly touched upon the issues of ethnic identity and self-representation of contemporary Finno-Ugric peoples. In this case, the scholarly dialogue was combined with discussions on domestic politics and international affairs at the same expedition tent.*

Keywords: Mongolia, Finno-Ugric Studies, Research, Politics, Historiography.

For citation: Zagrebin A.E. Mongolia in Finno-Ugric Academic and Political Discourse (1840s–1910s). *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 6. Pp. 243–253. DOI: 10.31857/S086919080023386-1

Опыты удревления и героизации истории, присущие историографиям в период формирования национальных государств, стали актуальными для финнов и венгров, на рубеже XVIII–XIX вв. вступивших на путь нациестроительства. Основываясь на летописной традиции, восходящей ко временам «обретения родины» на Дунае и поездкам монаха Юлиана в Волжскую Болгарию и на Русь накануне монголо-татарского вторжения, венгерская аристократия приняла и транслировала идею происхождения венгров от великих кочевых культур Азии [Аннинский, 1940]. Этническая идентификация финнов, опираясь на прибалтийско-финский языковой ареал и набирающую популярность поэзию «Калевалы», тем не менее нуждалась в зримых свидетельствах «золотого века» [Kemiläinen, 1998]. Поиск прародины и родственных народов на Востоке стал для финских лингвистов, этнологов и археологов важным стимулом развития национальной гуманитаристики.

Духовным ориентиром участников экспедиций на Восток – уроженцев Великого княжества Финляндского, был М.А. Кастрен (1813–1852) – первый профессор финского языка и литературы Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе [Богораз, 1927, с. 3–5]. Студентом он поставил своей жизненной целью выявление родственных финнам народов и поиск их общей прародины. Исследования в Лапландии, Карелии, ненецкой тундре и на полярном Урале отточили мастерство полевой работы, подведя Кастрена к научной кульминации – Сибирской экспедиции (1845–1849). Подготовка и финансирование поездки осуществлялись под эгидой Санкт-Петербургской Академии наук, при непосредственном участии академиков А.М. Шёгрена и П.И. Кёппена [Шёгрэн, 1845, с. 101–102]. Лингвистический и фольклорно-этнографический материал, зафиксированный в Среднем Поволжье, на Урале и на Оби, указывал ему путь на юг Сибири. Искомое «начальное место»

финнов, по мнению Кастрена, могло находиться на Алтае¹. В окрестностях Минусинска он провел археологические раскопки, открыв, что местная горная долина чрезвычайно богата на вещественные памятники прошлого [Castrén, 1862, S. 295]. Далее Кастрен смог дважды кратко поработать среди монголов, заходя на их земли со стороны Урянхая и Кяхты [Janhunen, 2012, p. 44]. Но обострившаяся чахотка не позволила ему реализовать планируемую программу монгольских исследований.

Иным путем на Восток пришел А. Чома (1784–1842), солдатский сын из трансильванского местечка Кёрёш. В 1819 г. он – выпускник Гёттингенского университета – отправился в путь через Египет, Сирию, Ирак, Иран, Бухару, Афганистан и Индию, чтобы на годы остаться в монастыре Фуктал в Ладакхе, изучая тибетский язык, санскрит и буддистскую философию [Le Calloc'h, 2001]. Ощущавший недостаток в средствах, путешественник был поддержан британской администрацией, рассчитывавшей использовать его стремление к познанию восточной мудрости в практических целях². Живя в Калькутте, А. Чома стал известным санскритологом. При этом он помнил о главной цели – выяснить и научно обосновать происхождение венгерского народа. Занимаясь восточными языками, Чома обнаружил значимые совпадения в монгольской и венгерской лексике. Так в начале 1840-х гг. у него появился план путешествия через Гималаи и Тибет в Монголию [Le Calloc'h, 1984, p. 35–36], но в Бутане он заболел малярией, оставив экспедицию неосуществленной.

Попытки решения финно-угорских исследовательских задач к середине XIX в. обозначили области, в которых они соединялись с алтайской научной проблематикой. Романтизированные современниками фигуры М.А. Кастрена, А. Чома и А. Регули, открывшего венгерскому академическому сообществу и нобилитету родственные обско-угорские культуры, призвали в дорогу новые поколения филологов, этнографов и археологов [Загребин, 2006, с. 226–280]. Однако многим было ясно, что для успеха поисков на смену ученым-одиночкам должна была прийти профильная структура, готовящая экспедиции, хранящая архивы и популяризирующая результаты. Прогресс был достигнут в Великом княжестве Финляндском, где часть интеллектуалов хотела увидеть на Востоке источник пробуждающейся «финскости», а имперские власти, расширяя базу лояльности в приграничном крае, были готовы обеспечить разрешительную и финансовую поддержку научным инициативам [Mikkola, 1936, s. 107–108]. В итоге в 1883 г. было основано Финно-Угорское Общество, взявшее на себя ответственность за проведение масштабных восточных исследований.

Лекции М.А. Кастрена о восточной прародине финнов и угров получили общественный резонанс во многом благодаря творчеству З. Топелиуса (1818–1898), чьи написанные по-шведски книги укрепляли финскую идентичность, соединяя в нацию разные слои финляндцев [Лескинен, 2010, с. 295–297]. В практическом же смысле исследования на стыке южной Сибири, Монголии и северо-западного Китая связаны с именем профессора И.Р. Аспелина (1842–1915) [Härö, 1984, s. 41–42]. Свое научное и гражданское предна-

¹ В 1849 г., выступая в Гельсингфорском университете с лекцией «О древнем местожительстве финского народа», М.А. Кастрен отмечал: «...большинство финских, тюркских и самоедских народов образует одну замкнутую группу. Родство между финнами и тюрками языковеды признали уже давно...». Считая урало-алтайскую общность доказанной лингвистическим путем, Кастрен сосредоточился прежде всего на развитии аргументации хозяйственно-культурного, устно-поэтического, топонимического и этнопсихологического характера. По его мнению, совокупность разнородных источников указывает на местонахождение общей прародины уральских и алтайских народов на территории Западного Алтая в верховьях рек Обь, Иртыш и Енисей [Castrén, 1862, S. 7–8].

² Являясь для окружающих немного странным библиотекарем Бенгальского Азиатского общества, А. Чома, неумоимо работая, подготовил к середине 1830-х гг. свои главные труды – «Грамматику тибетского языка» и «Опыт тибетско-английского словаря» [Szerb, 1977, p. 25].

значение он видел в том, чтобы материальными свидетельствами прошлого подтвердить гипотезу об алтайских истоках культуры финно-угорских народов.

Готовясь к поездке на Алтай, И.Р. Аспелин провел несколько полевых сезонов, работая с коллегами в Твери, Ярославле, Вятке, Перми и сибирских городах [Aspelin, 1875]. Прибывающие источники позволили ему издать свод археологических материалов под общим названием «Древности северных финно-угров» [Aspelin, 1877–1884]. В 1885 г. став во главе Финляндской археологической комиссии и получив дополнительные ресурсы, он писал: «Финнам надо изучать культуру, связанную с надписями на памятниках и с “каменными бабами” в Сибири, потому что они представляют культуру финно-угорских народов до их разделения» [Salminen, 2003, s. 56]. В 1887 г. И.Р. Аспелин и Я. Аппельгрэн провели раскопки в минусинской котловине [Tallgren, 1937, s. 90–91]. В 1888 г. Аспелин и художник Х. Вуори дважды пересекли Западные Саяны, проделав обратный путь до Минусинска на плоту по Енисею, зафиксировав наскальные надписи и рисунки, вошедшие в подготовленный в короткие сроки атлас [Aspelin, 1889; 1890]. В 1889 г. к работам присоединился А.О. Хейкель, защитивший диссертацию по финно-угорской этнографии, но сохранивший интерес к археологии [Загребин, 2019, с. 35]. По его мнению, следовало расширить зону поиска, включив в неё Урянхай и населенные бурятами прибайкальские области [Museomiehen, 1989, s. 29–39]. Однако, открытия Н.М. Ядринцева в Монголии, указали финнам новую цель³. На р. Орхон...

Экспедиция, отправлявшаяся в 1890 г. из Гельсингфорса в Монголию, должна была стать значимой не только в деле изучения петроглифов, но и в развитии этнографии. А.О. Хейкель специально советовался по этому поводу с земляком – одним из лидеров британской социальной антропологии Э. Вестермарком [Лехтинен, 2005, с. 185–186]. Но обилие рисунков и текстов на развалинах Каракорума (Карабалгасуна) превзошло ожидания, поглотив большую часть отпускаемого времени [Heikel, 1892; 1894]. Находки на месте древней монгольской столицы буквально захватили умы востоковедов.

В 1892 г. председатель Финно-Угорского Общества О. Доннер посвятил теме «наследия Орхона» выступление на IX Международном Конгрессе ориенталистов в Лондоне⁴. Примерно тогда же датский лингвист В. Томсен смог дешифровать орхонское руническое письмо [Inskription, 1894–1896]. Российский академик В.В. Радлов перевел несколько рунических текстов из собственных и «финских собраний» [Radloff, 1895]. Значением и содержанием древних текстов юга Сибири и Монголии занимался венгерский путешественник-ориенталист А. Вамбери [Vámbéry, 1898]. Впрочем, довольно скоро стало ясно, что невозможно прямо связывать енисейские и орхонские памятники с решением проблемы поиска прародины финнов и венгров.

Необходимость в дальнейших подтверждениях гипотезы алтайского происхождения языков и культур родственных народов была очевидна и правлению Финно-Угорского Общества. Наряду с данными археологии и этнографическими наблюдениями в приоритетном порядке рассматривались восточные памятники письменности. Своеобразная «охота» за манускриптами стала частью исследовательских инициатив, реализуемых в ходе экспедиций. Организация дорогостоящих научных поездок на Восток осложнялась для уроженцев

³ В 1889 г. Н.М. Ядринцев обнаружил древние руноподобные письмена на памятниках бассейна р. Орхон в Монголии. В 1891 г. исследовать находки отправилась академическая экспедиция в составе В.В. Радлова, В.П. Васильева, Д.А. Клеменца и Н.М. Ядринцева [Salminen, 2003, p. 107].

⁴ О. Доннер (1835–1909), профессор санскритологии Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе и член финляндского Сената, был не только влиятельным политиком, но и деятельным организатором финно-угорских исследований, разделявшим идеи М.А. Кастрена о родстве уральских и алтайских народов. Поездки финских ученых на юг Сибири и в Монголию стали возможны во многом благодаря его личной позиции и финансовому участию [Donner, 1896].

Великого княжества Финляндского усилившимися на рубеже XIX–XX вв. разногласиями между имперской администрацией и властями автономии в вопросах разграничения полномочий [Полвинен, 1997]. В Центральной Азии, где сходились интересы России, Китая, ряда европейских держав и Японии, финляндцы оказывались в двойственном положении. С одной стороны, они являлись подданными российского императора, а с другой – не пользовались полным доверием имперской бюрократии. Что касается пребывания финнов в Монголии, её китайские наместники, опасаясь любого внимания к вверенной территории со стороны европейцев, видели в них лиц, распространяющих русское влияние⁵. Порой это было справедливо, когда в полевых исследованиях соединялись потенциалы науки и внешней политики.

В марте 1906 г. в Главное управление Генерального штаба Российской империи был приглашен полковник К.Г. Маннергейм (1869–1951). Итогом встречи стало его прошение о выходе в отставку. Мало кто знал, что прошение сопровождала записка военного министра с просьбой императору о восстановлении офицера на службе по выполнению им особого задания⁶. Маннергейму предстояло пройти курсы топографии и фотографирования, проследовать за инструкциями в Ташкент, сформировать в Оше небольшой отряд и выйти на соединение с французской экспедицией, идущей в Синьцзян⁷. Подготовка к поездке проходила в фондах Кунсткамеры и в этнографическом отделе Русского музея, подбором справочной литературы занимались сотрудники Публичной библиотеки, библиотек Генерального штаба и Русского Географического Общества. Свои наставления земляку дал профессор О. Доннер, писавший, что Маннергейму следует взять во внимание поиск письменных источников на восточных языках, а также их копирование [Halén, 1999, p. 109]. Маннергейм советовался со знатоком Центральной Азии П.К. Козловым, которому вскоре предстояло отправиться в Монголию.

Отделившись от французов в китайском Туркестане, К.Г. Маннергейм продолжал четко следовать предписаниям – фиксировал живую этнографию и «охотился» за манускриптами⁸. Он сформировал коллекцию, состоящую из буддистских сутр, уйгурских, тибетских, согдийских текстов, о чем сообщал научному куратору в Гельсингфорсе⁹. Самостоятельным

⁵ Беспокойство китайских властей за стабильность в сложных в этноконфессиональном отношении окраинных провинциях – восточном Туркестане и Монголии, и в Тибете, сочеталось с активностью в них представителей великих держав. Научные исследования на землях «Великого шёлкового пути» были частью политики неявного проникновения заинтересованных держав в центральноазиатские дела [Батбаяр, 2014, с. 178].

⁶ Учтивая опыт боевых действий против японских войск в Манчжурии, когда за неимением достоверных карт местности российскому командованию часто приходилось действовать «вслепую», было принято решение о скорейшем изучении приграничных областей. Проблемным местом выглядел китайский Туркестан, и особенно та его часть, где горы Тянь-Шаня переходили в степь, тянущуюся до монгольской границы. Изучить этот труднодоступный край было предложено К.Г. Маннергейму [Предварительный отчет, 1909; Mannenheim, 1940; *Photographs*, 1990].

⁷ Предполагалось снабдить К.Г. Маннергейма французским паспортом, но договориться с французами не удалось, максимум они согласились на включение в состав экспедиции П. Пеллио человека с нейтральным паспортом. Отчёты Маннергейм писал по-шведски, конверты запечатывал шведскими марками, корреспонденцию отправлял через Швецию в Великое княжество Финляндское, где промежуточным адресатом был его отец. В научном плане его консультировал Г.И. Рамstedt, посоветовавший запастись разными подарками для облегчения контактов с населением и местной администрацией. Финансирование осуществлялось российским Генеральным штабом, а в открытой части – Финно-Угорским Обществом, Фондом Антелля и финляндским статс-секретариатом [Мери, 1997, с. 55–56].

⁸ Преодолев ледник Музарт и спустившись с гор Тянь-Шаня в степь, отряд пересек символическую границу, отделяющую провинции с преобладающим мусульманским населением от местностей, где власть принадлежала монгольским вождям, с одним из них – торгутским сотником Насумбатовым, К.Г. Маннергейм подружился, получив ценные сведения об этой части китайских владений [An Analytical Index, 2004].

⁹ Одним из наиболее ценных образцов в коллекции К.Г. Маннергейма является фрагмент, отпечатанный с деревянной таблички монгольским квадратическим письмом и содержащий монгольскую версию собраний буддистских максим, принадлежавших тибетскому религиозному и политическому деятелю Сакья-Пандита (1182–1251) [Ramstedt, 1911; Aalto, 1952].

его решением была поездка к этнографической группе шира- или жёлтых югуров (уйгуров), часть которых говорила на одном из диалектов монгольского языка, что вызывало серьезный интерес лингвистов [Mannerheim, 1911]. Стараниями Маннергейма Национальный музей Финляндии и Финно-Угорское Общество приобрели ценные собрания артефактов, включая редкие монеты и предметы быта [Самойлов, 2017, с. 11–12]. По возвращении он сдал часть приобретенных предметов государственному археологу А.О. Хейкелю, а фотоколлекцию вместе с архивными материалами передал в Финно-Угорское Общество. «Монгольские наблюдения» были лишь эпизодом экспедиции, но, очевидно, Маннергейму и двум его казакам стоило почти полтора года идти по горным тропам и ледникам, чтобы выйти к юго-западной кромке Монголии.

Вместе с обсуждением научной программы экспедиции Маннергейма О. Доннер предложил правлению Финно-Угорского Общества углубленный план изучения Монголии [Ramstedt, 1938]. В 1898 г., когда стало ясно, что только расшифровкой орхонских текстов решить проблему этногенеза финно-угров нереально, было предложено направить к монгольским народам несколько молодых ученых для проведения полевых исследований. Одним из них был ученик профессора Э.Н. Сётяля, побывавший в поездке к горным мари, Г.И. Рамstedт (1873–1950), которому предлагалось следующие три года провести в Забайкалье и Внешней Монголии [Porre, 1951, p. 315–316]. Освоившись в кочевой среде и алтайском языкознании, он стал не только специалистом по халха-монгольской филологии, но и успешно работал с калмыками, ойратами и торгутами, собирая языковой материал на степных пространствах от низовьев Волги и Ставрополя до Синьцзяна.

Заслужив уважение местных жителей, вплоть до убеждения, что в прошлой жизни он был монголом, финский лингвист посетил ряд сакральных мест, запрещенных для показа иностранцам, а в Урге ему выдали паспорт с указанием такого рода деятельности, как «...дело поиска знаний» [Урангуа, 2017, с. 331]. Преодолевая значительные расстояния, Г.И. Рамstedт в 1903 г. достиг российско-афганской границы, где записал фольклорные материалы носителей могольского языка [Ramstedt, 1906]. Активно публикуясь, он снискал признание ведущих исследователей культур Центральной Азии – В.В. Радлова, Г.Н. Потанина, В. Томсена, А. Доржиева, Ц. Жамсарано [Рамstedт, 1909; Ramstedt, 1912]. Много лет его связывали товарищеские отношения с одним из основателей российского монголоведения А.Д. Рудневым [Janhunen, 2004]. Вторая поездка Рамstedта в Монголию была более короткой. В мае – декабре 1909 г. он с археологом С. Пялси искал и изучал тексты на степных памятниках, пользуясь расположением монгольского князя Ханддорж вана [Halén, 1983]. В экспедиции Рамstedт познакомился с уроженцем Внутренней Монголии Хайсан гуном, активно призывавшим к созданию объединенного монгольского государства.

Три года спустя они встретились в Санкт-Петербурге, куда Ханддорж ван, Хайсан гун и да-лама Цэрэнчимэд прибыли с тайной миссией, в надежде заручиться поддержкой России в борьбе за выход Монголии из-под власти династии Цин¹⁰. Выступая в качестве переводчика и эксперта, Рамstedт пережил несколько напряженных летних дней, чтобы в декабре 1911 г. узнать из газет о том, что собравшиеся в Урге северомонгольские князья объявили об отделении от Китая [Aalto, 1973]. Весной 1912 г. он с магистром А. Сотавалта вновь отправился в Монголию. Рамstedт был вовлечен в сложные перего-

¹⁰ Негласные консультации, в которых принимали участие официальные лица Российской империи, включая министра финансов и других доверенных лица императора, были одобрены Председателем Совета Министров П.А. Столыпиным. Несмотря на протесты Пекина и положения русско-японского соглашения от 04.07.1910 г. о поддержании status quo в Манчжурии и Монголии, монгольским представителям была обеспечена защита от преследования со стороны китайских властей, а командованию Иркутского военного округа было дано указание передать монголам 15 тыс. винтовок и военной амуниции как ответ на действия японских инструкторов по реформированию китайской армии [Halén, 1998].

воры молодой монгольской администрации с российским консулом, южномонгольскими князьями и Палт ваном – торгутским правителем монгольского Алтая. Оказавшись в центре военно-политических событий, он, тем не менее, изучал древнеуйгурские памятники и написал ряд работ о монголо-тюркских языковых контактах [Рамстедт, 1912; Ramstedt, 1913]. Тем летом Рамстедт завершил полевые выезды в Монголию. Но ещё не раз он обратится к своим собраниям, будучи профессором алтайского языкознания Хельсинкского университета¹¹. Наверняка он был благодарен полученному дипломатическому опыту, который пригодится в 1919–1929 гг. на должности *chargé d'affaires* т. е. поверенного в делах, Финляндии в Японии и странах Юго-Восточной Азии.

Соединив общественный запрос с наукой и государственной службой, финляндцы опирались, в том числе на идею «научных завоеваний», в которых каждый последующий шаг должен был приближать к главной цели, касалось это решения проблемы прародинны или реконструкции праязыка¹². Это поступательное движение не отменяло критики предшественников, как это было, например с трудами И.Р. Аспелина о памятниках юга Сибири и Алтая [Heikel, 1912; Appelgren-Kivalo, 1931]. По-прежнему при поддержке Финно-Угорского Общества продолжались экспедиционные поиски новых объектов и делались попытки анализа найденного¹³. В этом отношении в Монголии наиболее преуспели С. Пялси (1882–1965) и И.Г. Гранё (1882–1956).

В 1905–1906, 1907 и 1909 гг. И.Г. Гранё исследовал северо-западную часть Монголии и пограничные области Алтая, отметив здесь концентрацию археологических объектов разной степени сохранности [Granö, 1909; Granö, 1912]. Объединяя их в один культурный ареал, он предложил классификацию памятников плато Укок, речных долин Цаган-гол и Кобдо, окрестностей гг. Ховд и Улиастай [Шелепова, 2012, с. 219–220]. Гранё копировал тексты и рисунки с каменных сооружений и изваяний, по-своему толкуя их образы [Aalto, 1991]. Самой продуктивной была его поездка в 1909 г. в Монгольский Алтай, когда, наряду с учетом археологических объектов, он пытался вписать историко-культурное наследие края в рассматриваемый взглядом географа ландшафт [Granö, 1910; Борисенко, 2013, с. 29–31]. Возможно, об этом тоже говорили Г.И. Рамстедт, С. Пялси и И.Г. Гранё, запечатленные на фотографии у походной палатки посреди монгольской степи.

В середине 1930-х гг. Г.И. Рамстедт и С. Пялси вновь вернулись к монгольским материалам, на лекциях и радиопередачах вспоминая о стране, где памятники истории соседствовали с ежедневными заботами кочевников и политическими грёзами вождей [Pälsi, 1911; Ramstedt, 1978; Seitsonen, 2017; Memoria saecularis, 1982]. Говоря о прошлом, в том числе личном, они обращались к новым исследовательским поколениям, подтверждая мысль о пользе научной недосказанности, рождающей историографическую легенду.

¹¹ Материалы монгольских экспедиций, равно как и многолетние занятия корейским, японским и тунгусо-манчжурскими языками, привели Г.И. Рамстедта к убеждению в существовании в прошлом общего «алтайского языка», что несколько разрывало связь с идеей М.А. Кастрена об урало-алтайском языковом единстве [Janhunen, 1988]. Это обстоятельство не помешало ему быть избранным в 1943 г. президентом Финно-Угорского Общества.

¹² Примененный А.М. Тальгреном и транслированный Т. Салминеном термин «научные завоевания», касаясь деятельности И.Р. Аспелина, кажется, удачно характеризует настроение финляндского научного сообщества, на рубеже XIX–XX вв. нацеленного на получение конкретных результатов в выявлении истоковых форм культуры и ранних вех своей этнической истории [Салминен, 2007, с. 103].

¹³ Преемник многих идей И.Р. Аспелина, что не мешало ему критически анализировать наследие учителя, А.М. Тальгрэн писал, что Азия в недалеком будущем станет континентом экономического и государственного развития, как это было в древности, но уже сейчас, обеспокоенные разработкой проблемы прародинны, финны, следуя путями «научных завоеваний» лингвистов и археологов, должны шире смотреть на этнокультурные связи на горизонте от Ирана до Енисея и далее до Центральной Азии, способные пролить свет на историческое прошлое финно-угорского населения северной России [Tallgren, 1917].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе. *Исторический архив*. 1940. Т. 3. С. 71–112 [Anninsky S.A. The Reports of the Hungarian Missionaries of 13th – 14th Centuries on Tatars in Eastern Europe. *Historical Archive*. 1940. Vol. 3. Pp. 71–112 (in Russian)].

Батбаяр Ц. Политика великих держав в отношении азиатского континента и монгольский вопрос. *Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука*. Иркутск, Улан-Батор: БГУЭП, 2014. С. 178–184 [Batbayar T. The Great Powers' Policy Towards the Asian Continent and the Mongolian Question. *Russia and Mongolia in the Early 20th Century: Diplomacy, Economics, Science*. Irkutsk, Ulan Bator: BGUEP, 2014. Pp. 178–184 (in Russian)].

Богораз В.Г. Кастрен – человек и ученый. *Памяти М.А. Кастрена: К 70-летию со дня смерти. Очерки по истории знаний*. Л.: Издательство АН СССР, 1927. Вып. 2. С. 3–35 [Bogoraz V.G. Castrén – a Person and a Scholar. *In Memory of M.A. Castrén: 70th Anniversary of Death. Essays on the History of Knowledge*. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1927. Vol. 2. Pp. 3–35 (in Russian)].

Борисенко А.Ю. Древние памятники долины реки Цаган-Гол в Монгольском Алтае (по материалам экспедиции И.Г. Гранэ 1909 года). *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5. С. 28–33 [Borisenko A.Yu. Ancient Objects of the River Valley Tsagangol on Mongolian Altai (By Materials of the Expedition of I. G. Granö in 1909). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2013. Vol. 12. No. 5. Pp. 28–33 (in Russian)].

Загребин А.Е. *Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.)*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006 [Zagrebina A.E. *Finno-Ugric Ethnographic Research in Russia (18th – mid-19th centuries)*. Izhevsk: UIIJaL, Ural Branch of the RAS, 2006 (in Russian)].

Загребин А.Е. *Очерки истории финно-угорских этнографических исследований в России (вторая половина XIX – начало XX в.)*. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2019 [Zagrebina A.E. *Essays on the History of Finno-Ugric Ethnographic Research in Russia (second half of the 19th century – early 20th century)*. Izhevsk: Institute of Computer Science, 2019 (in Russian)].

Лескинен М.В. Путешествие по родной земле: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в описаниях З. Топелиуса. *Одиссей: человек в истории*. 2009. С. 175–204 [Leskinen M.V. Travelling through the Homeland: Description as a Means of National Representation. Finland and the Finns in the Descriptions of Z. Topelius. *Odysseus. Man in History*. 2009. Pp. 175–204 (in Russian)].

Лехтинен И. Изучение Сибири в Казани (по материалам переписки А.О. Хейкеля и Н.Ф. Катанова). *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Т. 22. С. 181–204 [Lehtinen I. Siberian Studies in Kazan (Based on the Correspondence of A.O. Heikel and N.F. Katanov). *Studia Slavica Finlandensia*. 2005. Vol. 22. Pp. 181–204 (in Russian)].

Мери В. *Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии*. М.: Новое Литературное Обозрение, 1997 [Meri V. *Karl Gustav Mannerheim – Marshal of Finland*. Moscow: Novoye Literaturnoye Obobzreniye, 1997 (in Russian)].

Полвинен Т. *Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904 гг.* СПб.: Европейский дом, 1997 [Polvinen T. *The Empire and the Outskirts. N.I. Bobrikov – Governor General of Finland, 1898–1904*. St. Petersburg: Evropeysky dom, 1997 (in Russian)].

Предварительный отчет о поездке, предпринятой по Высочайшему повелению через Китайский Туркестан в северные провинции Китая в г. Пекин в 1906–7 и 8 гг., полковника барона Маннергейма. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. 58. СПб.: Издательство Главного Управления Генерального Штаба, 1909 [A Preliminary Account of the Trip Undertaken by Imperial Command through Chinese Turkestan to Beijing, Northern Provinces, 1906–1907 and 1908, by Colonel Baron Mannerheim. *A Collection of Geographical, Topographical and Statistical Materials on Asia*. Vol. 58. St. Petersburg: Izdatel'stvo Glavnogo Upravleniia General'nogo Shtaba, 1909 (in Russian)].

Рамстедт Г.И. Этимология имени Ойрат. *Сборник в честь Г.Н. Потанина к 70-летию со дня рождения. Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению Этнографии*. 1909. Вып. 34. С. 547–558 [Ramstedt G.J. Oirat. Etymology of the Name. *G.N. Potanin's 70th Anniversary Collection. Notes of the Imperial Russian Geographical Society, Ethnography Department*. 1909. Vol. 34. Pp. 547–558 (in Russian)].

Рамстедт Г.И. Как был найден «Селенгинский камень». *Труды Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества*. 1912. Т. 15. Вып. 1. С. 34–49 [Ramstedt G.J. How the “Selenga Stone” Was Found. *Publications of Troitskosavsk-Kyakhta Branch, Priamursky Department of the Imperial Russian Geographical Society*. 1912. Vol. 15. No. 1. Pp. 34–49 (in Russian)].

Салминен Т. Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы. *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. № 1. С. 100–110 [Salminen T. Finnish Archaeologists in Russia and Siberia in 1870–1935. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2007. No. 1. Pp. 100–110 (in Russian)].

Самойлов Н.А. Научные результаты азиатской экспедиции Маннергейма 1906–1908 годов. *Учёные записки Петрозаводского государственного университета*. 2017. № 3. С. 7–13 [Samoylov N.A. Scientific Results of Mannerheim's Expedition in Asia, 1906–1908. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No. 3. Pp. 7–13 (in Russian)].

Шёгрэн А.М. Общая инструкция г. Кастрену по поводу поручения ему Академиею исследования Северной и Средней Азии в этнографическом и лингвистическом отношениях, составленная Академиком Шёгреном. *Журнал министерства народного просвещения*. 1845. Ч. 47. Отд. 2. С. 101–113 [Sjögren A.M. General Instruction to Mr. Castrén on the Academy's Order to Conduct Ethnographic and Linguistic Research in Northern and Central Asia, by Academician Sjögren. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1845. Vol. 47. Part 2. Pp. 101–113 (in Russian)].

Шелепова Е.В. Изучение памятников истории и культуры Западной Монголии в XIX – начале XX в. *Известия Алтайского государственного университета*. 2012. Вып. 4–2. С. 215–221 [Shelepova E.V. Study on Monuments of the Western Mongolia History and Culture in the 19th – beginning of 20th Centuries. *Izvestiya of Altai State University*. 2012. Vol. 4–2. Pp. 215–221 (in Russian)].

Урангуа Х.Ж. Значение творчества Рамстедта в истории Монголии. *Восьмые востоковедные чтения БГУ*. Отв. ред. Ю.В. Кузьмин. Иркутск: БГУ, 2017. С. 328–342 [Urangua H.J. The Significance of Ramstedt's Works in Mongolian History. *BSU 8th Readings on Oriental Studies*. Ed. Y.V. Kuzmin. Irkutsk: BGU, 2017. Pp. 328–342 (in Russian)].

Aalto P. The Mannerheim fragment of Mongolian Quadratic script. *Studia Orientalia*. 1952. Vol. 17. Pp. 3–9.

Aalto P. G.J. Ramstedt and the Mongolian independent movement. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1973. Vol. 72. Pp. 21–32.

Aalto P. Old Turkic epigraphic, gathered J.G. Granö. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1991. Vol. 90. Pp. 7–78.

An Analytical Index to Mannerheim C.G. *Across Asia from West to East in 1906–1908. Places, Persons and General Terms*. Comp. by H. Hallén. Helsinki, 2004.

Appelgren-Kivalo H. *Alt-Altäische Kunstdenkmäler: Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelin in Sibirien und der Mongolei 1887–1889*. Helsingfors, 1931.

Aspelin J.R. *Suomalais-ugrilaisen muinaistutkimnon alkeita*. Helsinki, 1875.

Aspelin J.R. Muinaisjäännöksiä suomen suvun asumusaloilta. *Antiquités du Nord Fenno-Ougrien*. Vol. I–V. Helsingfors, 1877–1884.

Aspelin J.R. *Inskriptions de l'Énnissei, recueillies et publiées par la Société finlandaise d'archéologie*. Helsingfors; Imprimerie de la Société de littérature finnoise, 1889.

Aspelin J.R. Types des peuples de l'ancienne Asie Centrale. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1890. Vol. 8.

Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. *Nordische Reise und Forschungen*. St.-Petersburg, 1856. Bd. 2.

Castrén M.A. Ueber die Ursite des finnischen Volkes. *Nordische Reise und Forschungen*. St.-Petersburg, 1862. Bd. 5.

Donner O. Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1896. Vol. 14. Pp. 1–71.

Janhunen J. Altalaiseen hypoteesin nykytila. *Virittäjä*. 1988. Vol. 88. No. 2. S. 202–206.

Janhunen J. Г.И. Рамстедт и А.Д. Руднев – основатели современной монголистики. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 2004. Vol. 90. Pp. 356–360.

Janhunen J. Mongolian Studies in the Nordic Countries: A Brief Historical Survey. *Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers*. 2012. Vol. 3. Pp. 43–55.

Halén H. Sakari Pälsin Mongolian-matkan unohtetut muistiinpanot. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1983. Vol. 78. S. 27–42.

Halén H. Biliktu Bakshi* The Knowledgeable Teacher. G.J. Ramstedt's Career as a Scholar. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 229. Helsinki, 1998.

Halén H. Baron Mannerheim's hunt for ancient Central Asian manuscripts. *Studia Orientalia*. 1999. Vol. 87. Pp. 109–116.

Heikel A.O. Voyage à l'Orkhon. Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892.

Heikel A.O. Antiquités de la Sibérie occidentale. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1894. Vol. 4.

Heikel A.O. Die Grubensuchungen und Funde bei Taschobá. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. 1912. Vol. 26. S. 59–70.

Härö M. Suomen muinaismuistohallinto ja antikvaarinen tutkimus. *Muinaistieteellinen toimikunta 1884–1917*. Helsinki, 1984.

Granö J.G. Archäologische Beobachtungen von Reisen in der nördlichen Grenzgegend des Chinas in den Jahren 1906 und 1907. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1909. Vol. 26. S. 1–54.

Granö J.G. Beiträge zur Kenntnis der Eiszeit in der nordwestlichen Mongolei und einigen ihrer süd-sibirischen Grenzgebirge. Geomorphologische Studien in den Jahren 1905, 1906, 1907 und 1909. *Fennia. Societas geographica Fenniae*. 1910. Vol. 28. No. 5. S. 1–230.

Granö J.G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Süd sibirien und der Nordwest-Mongolien im Jahre 1909. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1912. Vol. 28. S. 1–67.

Inskription de l'Orkhon déchiffrés par Vilh. Thomsen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1894–1896. Vol. 5.

Kemiläinen A. *Finns in the shadow of "Arians". Race Theories and Racism*. Helsinki, 1998.

Le Calloc'h B. Alexandre Csoma de Kőrös et la théorie finno-ougrienne. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1984. Vol. 79. Pp. 25–46.

Le Calloc'h B. Alexandre Csoma de Kőrös dans son voyage en Asie de la Transylvanie on Ladakh, d'après les descriptions des voyageurs contemporains (I–IX). *Studia Asiatica*. 2001. № 1–2. Pp. 77–120.

Mannerheim C.G.E. A Visit to the Sarö and Shera Yögurs. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1911. Vol. 27. Pp. 1–72.

Mannerheim C.G. *Across Asia from West to East in 1906–1908*. Helsinki, 1940. Vol. 1–2.

Mikkola J.J. Vorbereitungen zur Gründung der Finnisch-ugrischen Gesellschaft. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1936. Vol. 71. S. 101–120.

Memoria saecularis Sakari Pälsi: Aufzeichnungen von einer Forschungsreise nach der nördlichen Mongolei im Jahre 1909 nebst Bibliographien. Bearb. und hrsg. H. Hallén. *Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne*. 1982. Vol. 10.

Museomiehen päiväkirjasta. A.O. Heikelin lehtikirjoituksia. Helsinki: Museovirasto, 1989.

- Photographs by C.G. Mannerheim from his journey across Asia from West to East in 1906–1908.* Vol. 1–2. Helsinki, 1990.
- Poppe N. Obituary: Gustav John Ramstedt 1973–1950. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. No. 1/2. Pp. 315–322.
- Pälsi S. *Mongolian matkalta*. Helsinki: Otava, 1911.
- Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St.-Petersburg, 1895.
- Ramstedt G.J. Mogholica: Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1906. Vol. 23. S. 1–20.
- Ramstedt G.J. Ein fragment mongolischer quadratschrift. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1911. Vol. 27. S. 1–4.
- Ramstedt G.J. Zur Geschichte des labialen Spiranten im Mongolischen. *Festschrift Vilhelm Thomsen zur Vollendung des siebzigsten Lebensjahres am 25. Januar 1912. dargebracht von Schülern und Freunden*. Leipzig, 1912. S. 182–188.
- Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1913. Vol. 30. S. 1–63.
- Ramstedt G.J. Otto Donner ja Keski-Aasian kielitieteellinen tutkiminen. *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1938. Vol. 49. S. 17–22.
- Ramstedt G.J. *Seven Journeys Eastward, 1898–1912: Among the Cheremis, Kalmyks, Mongols and in Turkestan and to Afghanistan*. Bloomington: Mongolia Society, 1978.
- Salminen T. National and international influences in the Finnish archeological research in Russia and Siberia. *Fennoscandia Archaeologica*. 2003. Vol. 20. Pp. 101–114.
- Seitsonen O. Sakari Pälsi mongolian aroilla vuonna 1909. *Sakari Pälsi – elämä ja työt. Legendaarinen tutkimusmatkailija, arkeologi, kirjailija ja kuvaaja*. Helsinki: Into, 2017. S. 112–137.
- Szerb J. Works of Alexander Csoma de Kőrös. *Bulletin of the Csoma de Kőrös Symposium*. Budapest, 1977. No. 1–2. Pp. 23–26.
- Tallgren A.M. Suomen osuus Aasian muinaisuuden tutkimiseen. *Valvoja*. 1917. Vol. 37. S. 329–340.
- Tallgren A.M. J.R. Aspelin uran alkutaipaleelta. *Kalevalaseuran vuosikirja*. 1937. Bd. 17. S. 83–101.
- Vámbéry H. Noten zu den alttürkische Inschriften der Mongolei und Sibiriens. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 1898. Vol. 12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – д.и.н.,
главный научный сотрудник; Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Aleksei E. ZAGREBIN, DSc (History); Chief
Research Fellow; Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences; Moscow, Russia.